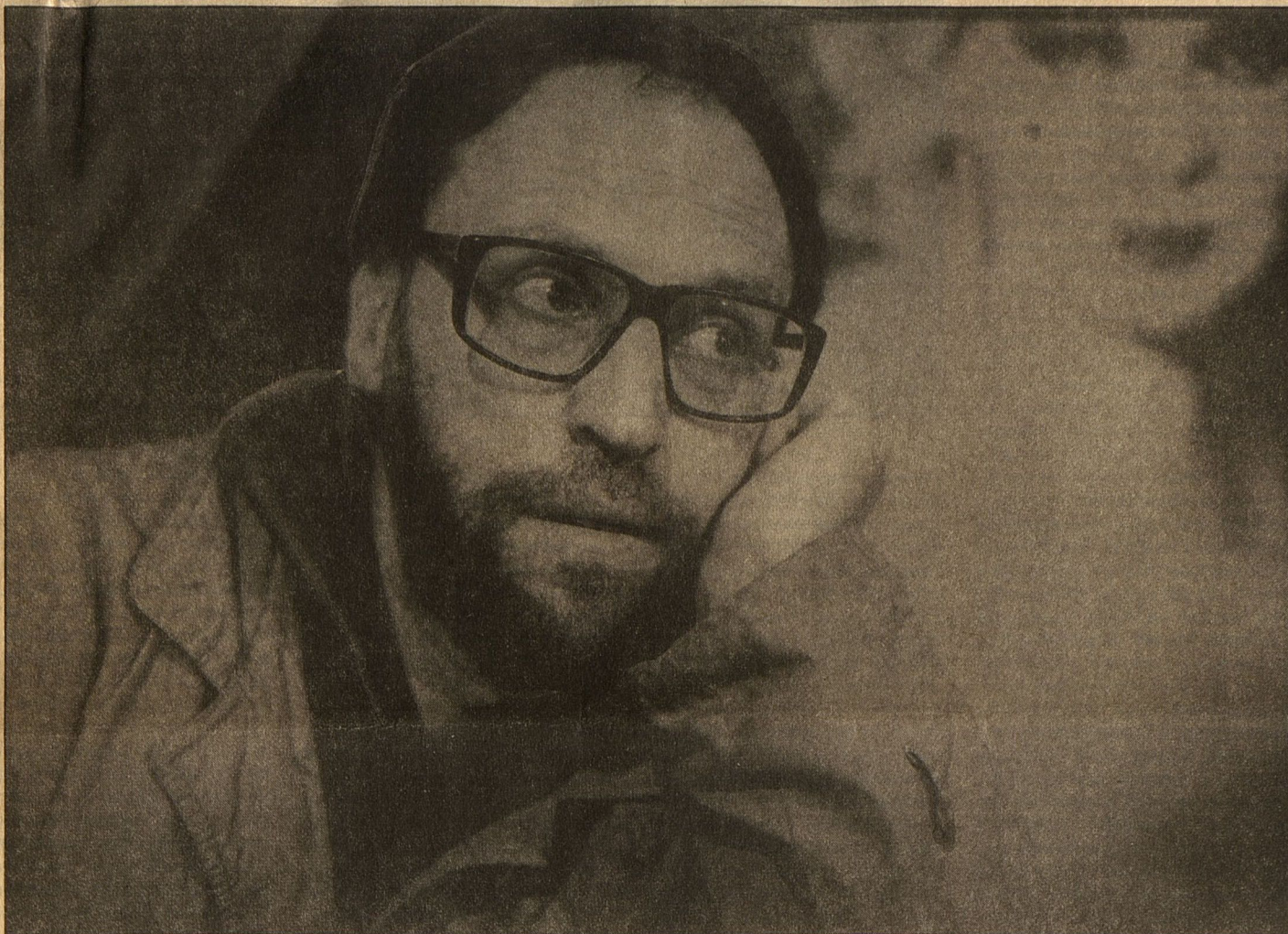

Place d'etoile

«...И в Новый год я буду рисовать...»

Два обстоятельства предшествовали нашему разговору с Дмитрием Александровичем Приговым. Первое - я с превеликой охотой купил в «Библио-Глобусе» книгу вышеупомянутого мастера и залпом ее прочел, второе - позвонил своему старому знакомому, а ныне главному редактору журнала «Литературное обозрение» Виктору Куллэ с просьбой сообщить мне - для дела - приговский телефон. Телефонный номер был сообщен, абонент неожиданно быстро согласился встретиться и дать интервью.

4 декабря в 16.00 мы встретились с Приговым в центре зала метро «Таганская»-кольцевая и пошли ко мне домой, на улицу Вековая. О чем же мы говорили, шлепая по слякотной каше из бывшего снега? Я рассказал Дмитрию Александровичу о своей учебе в Литературном институте и о том, чем занимаюсь сейчас. Он удивился, что мне всего лишь 29 лет. Я поздравил его с выходом книги «Написанное с 1975 по 1989» и сообщил, что многие из его стихов читал еще в ксерокопии, в конце 80-х, у того же Куллэ их выпрашивая. Посетовал, что раньше не встречались. Мы, в смысле, с Приговым. Вроде как оба стихи в книжках печатаем.

Пришли. Дмитрий Александрович сразу же обозвал моего кота «крокодилом», но ласково. И начал читать биографию поэта Николая Олейникова, сняв с книжной полки маленький томик из серии «Наследие». Потом мы поели пельмешек, попили чаю, я закурил и включил магнитофон.

Григорьев: Я как поэт начал, не скрою, с подражания «обэриутам», но я рад, что мои «естественно-разговорные представления» были одобрительно приняты Игорем Бехтеревым, до сих пор живущим «обэриутом». Он даже сравнил мою поэму «Эфирь», написанную мной в армии, с произведениями Юрия Александрова, рано умершего и малоизвестного поэта.

Пригов: «Обэриуты», конечно, были людьми авангардного, новаторского сознания, а Олейников - скорее поставангардист. Для него поэзия - это главным образом тип письма, то, что называется сейчас дискурсом. То, чем он, Олейников, занимался, смогло реализоваться только в семидесятые годы, но по причине не литературной, а скорее литературно-политической.

Григорьев: Если можно, подробнее о понятии «дискурс».

Пригов: Дискурс - слово, введенное новой французской философией. Это тип говорения, поддерживаемый какой-либо институцией. Люди ведь, как правило, говорят не своим языком, а именно впадают в дискурс, но поэт, понимающий это, может либо педалировать дискурс, либо совмещать разные типы говорения.

Григорьев: О Боже, мы в философию ударились. Я думал, это будет такой... смешной, легкий разговор.

Пригов: Вы, как и многие, очевидно, купились на мои стихи, причем очень определенного

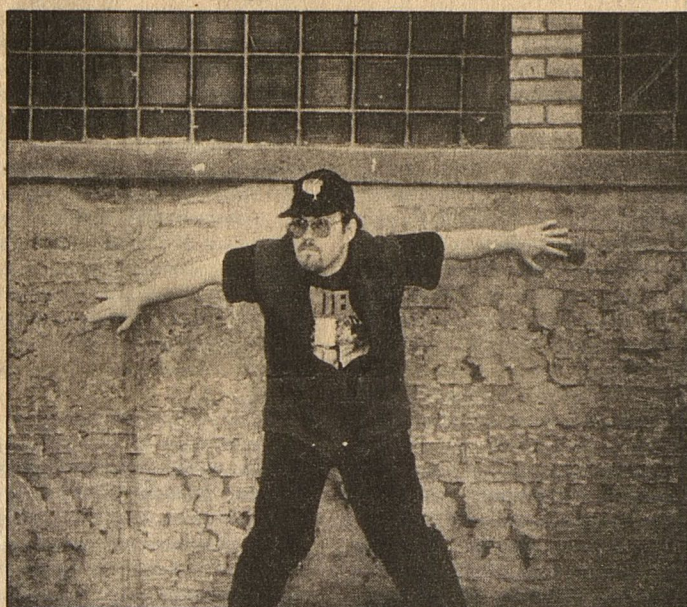
периода. Я всегда это объясняю - я пишу имиджами. Когда я писал как гиперсоветский поэт - это действительно было смешно, но я писал и как женский поэт, как гомосексуальный поэт, как английский поэт, как лирический поэт. Я не обладаю даром рассказчика анекдотов, я просто вскрывал привычные заученные типы говорения. Смеховой эффект вызывает деконструкция - снова термин новой французской философии. Моя задача иная, нежели у Жванецкого или Вишневского. Хотя и они, и я используем как прием инерцию говорения.

Григорьев: У вас немало и страшных текстов. «Революционная казачка» - это просто жутко. Выводит туда, в хаос, куда и проза Владимира Сорокина...

Пригов: Верно, это и относится к той литературной стратегии, о которой я говорю. Это все опыты по обнаружению лживости говорения. Приводящие не к хаосу, а скорее к состоянию глубокой духовной медитации, к тому, что называется «нирваной», предстает «ничем».

Григорьев: А вам лично это что дает?

Пригов: Общество определило правила культурного служения. Есть долг служения воина. Это означает, что человек берет на себя какие-то обязанности, но зато ему позволено то, что не позволено другим. Ему позволено убивать. Есть служение монашеское. Монаху запрещено вообще убивать. У него свои обя-

занности. Деятели культуры тоже принимают на себя некий долг служения. И ему позволено что-то такое, что не позволено другим. Например, проигрывать в своих культурных актах вещи, которые, вообще-то, запретны в жизни. Убийство, садизм, всякие формы извращения - но с условием, что все это в пределах культурной практики. Художник являет в мир понятие абсолютной свободы. Вот его задача. В качестве производителя текстов или картин он, конечно, развлекает. Как цирк, как эстрада. Но ведь он и помогает людям познавать постоянно меняющийся мир. Ведь все новые вещи обихода надо как-то назвать, ввести в разговор, соединить с другими словами. Это - социально-интеллектуальная деятельность художника, его вторая задача. А третья - явить современный тип креативной личности - или романтически-демонический, доминирующий, или инженерно-классический (футуристы). И люди узнают через произведения искусства, как ведет себя человек, пытающийся что-то сделать в этом мире. Параллель - люди, связанные с научной деятельностью. Ученый средневековья - его тип предполагал безумие и необыкновенность, а тип современного ученого предполагает умение, наоборот, работать в коллективе, быть профессионалом. А что такое профессионализм для художника - ну, вот, умение по-новому описывать мир, умение являть новый тип творца и умение тонко пользоваться данной ему абсолютной свободой не столько для того, чтобы шокировать, а чтобы показать несвободу типов говорения. Художник должен понимать все эти уровни и задачи, высветлять их и вписываться в них. Ведь все люди - разные, и пути одного не есть пути другого. На то, чтобы понять задачу, у художника уходит целая жизнь. Кто-то хорошо пишет тексты и остается на этом уровне, кто-то

поднимается до уровня осмысления меняющегося мира, кто-то работает над явлением новой креативной личности, ну а кто-то поднимается до понятия абсолютной свободы, ее опасности, ее необходимости, ее границ, как там обживать, переступать эти границы. А стихи? Стихи есть отходы производства, а не цель производства. (Слышно позвякивание ложки, Пригов пьет чай с молоком. За окном раздается чей-то истошный крик и грубый мат). Уж не знаю, насколько это все подойдет для вашего интервью...

Григорьев (задумчиво): А почему нет? Но очень уж глобальный получается разговор. Сейчас достану вопросник (шуршит бумагами). Вот. Вопрос первый. В чем смысл жизни?

Пригов: Ну хотя бы ясно ориентироваться в мире культуры. Создать что-то равнозначное одному человеку вряд ли по силам, но если вы предпостите уйти за пределы культуры, вы уйдете с пониманием того, где она кончается. Уйдете в религию, в мистику, я не знаю, во что. Нельзя же просто отрицать культуру, не определив для себя, что она такое. Вернемся к понятию «дискурс». У каждой доктрины есть тотальные амбиции назвать весь мир своими терминами - возьмите хоть марксизм, хоть фрейдизм, хоть тот же язык масс-медиа. Вы мне предлагаете глобальные человеческие вопросы, а я вам говорю, что я делаю в качестве деятеля культуры. Та же поэзия не есть средство разрешения последних жизненных вопросов, скорее предпоследних. Если культура говорит о последних вопросах, она имитирует их, все равно она говорит культурным языком, понимая, что они неразрешимы.

Окончание на 3-й стр.

Ноч. разговору (примеч. к Моск. правде - 1997 - 31 дек. - с. 1, 3)

«...И в Новый год я буду рисовать...»

Начало на 1-й стр.

Григорьев: Так. Может быть, перейдем к более простым вопросам?

Пригов: А, давайте!

Григорьев: Представьте себе - вы внезапно разбогатели. Что вы сделаете в таком случае и как?

Пригов: Что бы я сделал? Положил бы деньги в какой-нибудь надежный банк и жил бы на проценты. Мечта любого человека. И не думал о зарплате. А делать продолжал бы то же самое по той причине, что у меня нет другого способа убивать время жизни. Я не научен ничему другому. Время-то как-то надо убивать.

Григорьев: Замечательно. Совершенно согласен. Замечательно.

Пригов: Да, я не люблю, например, никакие садовые занятия, не люблю никаких дач строить, у меня нет машины, и я не люблю машин. Принципиально не езжу на них, даже когда кто-то за рулем. Зачем мне какие-то дачи, зачем держать что-то в уме, помимо небольшой комнаты, где я сижу и рисую. Не пью, меня это тоже не интересует. Никогда не пил. Курить давно бросил. Я ночной человек, с десяти вечера до пяти утра рисую каждый день, без перерывов на праздники и болезни. И очень люблю ходить, по незнакомому городу особенно, часов шесть хожу обычно пешком, тоже каждый день. И сочиняю на ходу. В Москве приходится по-другому, здесь ритм другой. А как сажусь за стол, у меня срабатывает инстинкт рисования, по образованию я все-таки художник.

Григорьев: На книге обозначено - «Стихи с 1975 года». А можно чуть подробнее - что было до 75-го? Я уже вычитал о вас в ерофеевской книге кое-что...

Пригов: «Русские цветы зла»?

Григорьев: Да. Что вы москвич, 40-го года рождения, работали скульптором, инспектором по проверке покраски зданий, что вы с 75-го - член Союза художников, но выставок у вас не было очень долго, что до 86-го года вы не печатались на родине. Что эта книга - уже четвертая, выпущенная вами в России, и что у вас вышло много книг в Европе. Что вы женаты и у вас есть сын. А какие еще награды имеете, кроме премии имени Пушкина Германской академии искусств?

Пригов: Еще где-то дома валяется диплом, что я - ударник соцтруда, серьезно. А что было до 75-го года? Я тоже писал стихи. Закончил Художественный институт, строгановский, как скульптор. Работал архитектором. Делал зверей разных позе для детских площадок.

Григорьев: Деревянных?

Пригов: Бетонных - тоже. Но они разрушаются довольно быстро. Каменных, металлических.

Григорьев: Они стоят по Москве сейчас?

Пригов: Они по России стоят. Потом у меня испортились отношения с властью, стал зарабатывать чем мог, был ночным сторожем. Но всегда я попутно рисовал и писал. Сейчас я живу в Беляеве, а родился на Спиридоньевской улице, которую при мне переименовали в улицу Алексея Толстого. В 47-м, что ли. Детство у меня было незапоминающееся, болел полиомиелитом. Год лежал парализованный. Потом хромал, но оклемался. Мне кажется, зимы в то время были холоднее, сугробы выше, а я же был маленького роста. Бегали с пацанами на Патриарших прудах, привинчивали коньки к валенкам. Москва с тех пор дико разрослась, а тогда были еще деревянные дома, танцы под патефон, такой семейно-коммунальный быт. В нашей комнате, на площади 14 метров, жило 7 человек! По утрам, конечно, очередь выстраивалась в сортир, ванную. Тот быт был забавен, однако обаяния никакого в нем нет. Я не живу своим детством.

Григорьев: Телевизор часто смотрите? Какие программы?

Пригов: Обычно рисую вечером, а он фоном служит. Стрельбу или вздохи какие-нибудь слышу - так глаза поднимаю и смотрю. Но больше всего мне нравится «Знак качества»! Я там даже две акции устроил - одну личную, тотального покаяния, а во вторую вовлек писателя Курицына. Мы с ним читали стихи Пушкина в знак протеста против бездуховности нынешнего телевидения. Мне эта программа дорога тем, что в ней принимают участие простые люди, реальные жизненные типы. Очень интересно, как они заражены телевидением, как девочки, предлагающие себя в качестве моделей, воспроизводят своими слабыми силами каких-то шоу-звезд. Но там бывают и совершенно замечательные, немыслимые чудики, приучающие наше сознание к толерантности! Мы же считаем, что телевидение - это все самое лучшее, одни удачливые люди, на самом деле мир полон самых разных людей и они все имеют право на самовыражение.

Григорьев: А в честь кого вас называли?

Пригов: У меня есть сестра Марина. То есть Дмитрий-самозванец и Марина Мнших.

Григорьев: Театр, пресса, книги...

Пригов: Я не любитель театра, хотя сам десять лет был режиссером и сценаристом в английском театре МГУ, то есть спектакли шли на английском языке. Но театр забирает все время, и пришлось это бросить. Ставили там «Винни-Пуха», «Оливера», вариант «Укрошения строптивой».

Григорьев: Да, один человек не может всюду успеть. Милош Форман в своей автобиографии приводит такой пример - Кен Кизи, автор романа «Полет над гнездом кукушки», узнав, что собираются ставить фильм по его книге, захотел сам играть главную роль и быть режиссером и сценаристом - тоже. Ему довольно грубо отказали. Написал роман - и все.

Пригов: Ну а взять Шукшина - ставил, писал, играл. Или Вуди Аллен. Это не правило. Я сам написал четыре пьесы, одна была поставлена на Таганке, сейчас идет в Германии. Книжки практически не читаю, кроме книг моих друзей. Прозу я вообще не люблю.

Григорьев: Ну вот тот же Сорокин...

Пригов: Он достаточно сильно разрушает иллюзии языка как нормального и естественного способа общения, как бы натурального и данного свыше. А под словами, речью оказываются страшные, непривычные людям пространства. Человеку страшно то, что нельзя назвать словами. Но Сорокин - это специфическая литература, не для всех. А вот, скажем, Пелевин - это беллетризация опыта концептуализма. Это ни плохо, ни хо-

рошо. Это подано в той манере, в которой публика может читать, получать наслаждение от этого текста. А от Сорокина удовольствия мало. Но на Западе Сорокин очень популярен и воспринимается гораздо большим количеством людей. Например, в Германии. Там он не шокирует, там люди находят удовольствие в его текстах - просто иные культурные традиции.

Григорьев: Все-таки о прессе, о масс-медиа в целом.

Пригов: У наших людей до сих пор есть привычка принимать телевидение как нечто директивное. Конечно, во всем мире масс-медиа достаточно агрессивно воздействуют на людей, но во всем мире попросту больше телеканалов. Вот наш канал «Культура» пока выглядит достаточно оппозиционным по сравнению с другими каналами хотя бы отсутствием атакующей пропаганды молодых, удачливых, гедонистически настроенных людей.

Григорьев: Как выразился Мамлеев, «удачников»...

Пригов: Вот-вот, это тип человека, который пропагандируется как идеальный тип нашего времени. Но забавно то, что канал введен насильственно, культура как бы внедряется властью. Прессу почти не читаю, совершенно удручает меня «Литературка», «Комсомолец»... там мне неинтересна подача материала, и о чем они пишут - тоже. Иногда читаю «Московские новости», «Новые Известия».

Григорьев: А «левая» или «правая» пресса?

Пригов: Тип их говорения мне настолько ясен, вся эта риторика... А конкретное наполнение... Они безумно искренни - вот что ужасно. Либо циничны. По-моему, это плоско.

Григорьев: Где вы любите отдыхать?

Пригов: Мне все равно, я везде работаю. Главное - чтобы я мог совершать длительные прогулки и рисовать при хорошем освещении. Хорошо, если под рукой стаканчик кофе или кока-колы.

Григорьев (пошуравшись вопросником): А что вы думаем о любви?

Пригов: Да ничего мы о ней не думаем. Всякого рода жизненные проявления, такие, как любовь, гедонизм, выпивка, любить по-ест - это не мои добродетели. Жизнь у меня устроена, я не люблю никаких потрясений, я скорее любитель рутинного существования. Нудного, постоянного.

Григорьев: А счастье? Например, катарсис, переживаемый в финале сильного кино? Или просто хорошее настроение?

Пригов: Меня привлекают утопии, а разные мелодрамы - нет, я знаю их конструкцию. Мне очень интересны голливудские фантастические фильмы, такие народно-технические утопии. «Звездные войны», «Терминаторы»... Их надо смотреть не в одиночку. «Без лица», «Люди в черном», «Контакт». Это все поп-искусство, где люди все - герои, и эта сфера не терпит иронии, интеллекта. Последние всплески высокого искусства в кино - Феллини, Антониони... Но рыночная индустрия победила и властвует. Почему мне и показалось, что фильм «Пятый элемент», насыщенный иронией, забавен, не более того, за ним не последует продолжения.

Григорьев: Но это же все - наркотик, чтобы уйти от реальности?

Пригов: Ну да, все вообще, что дает возможность убивать время жизни, - наркотик. И труд, и наслаждения - все это способы чем-то наполнить время жизни. Человек является сюда - и что ему делать в этой жизни, кто и что ему определил?

Григорьев: Ну, вначале идет гон - сдать в нужное время, допустим, нужный экзамен в школе, потому что от этого зависит вся будущая жизнь человека... И все вокруг говорят - да, это очень важно!

Пригов: Но это культурные стереотипы, навязанные нам с детства. А если ребенок предоставлен сам себе? Он сам должен решать, что ему делать в этой жизни! Он просыпается утром, перед ним - целый день, и надо этот день как-то заполнить. Чем угодно - воровством, лежанием на кровати, неважно. Люди иной раз стреляются в богатых семьях из-за того, что не знают, как заполнить время жизни.

Григорьев: Скука.

Пригов: Скука. Но культура заводит в человеке некий наркотический механизм, который потом работает сам по себе. Чтение книг - тоже наркотик, или работа. Что в этом большего? Да ничего. Организм же функционирует, не умирает, и что делать человеку? Как только появилась проблема вычленения человека из каких-то больших коллективов, перед ним сразу же встала другая проблема - так что же делать? И начинают исполняться спасительные ритуалы - работа там, карьера... Семья, многочисленные связи с красивыми женщинами - тоже ритуалы... Незаметно пролетает юность, появляется какое-то дело, резко сужается круг знакомых, ну, все это возрастная закономерность. Но людям кажется в основном, что молодость - это апогей их жизни, свежесть чувств...

Григорьев: Свежесть чувств, но зато - незрелость ума.

Пригов: Я лично без приязни молодость вспоминаю. У меня ощущение, что мне всегда было 43 года. Я до него доживал, чтобы совпасть с ним.

Григорьев: А Стивен Кинг выдумал своих «лангольеров», которые идут за всеми нами по пятам и пожирают наше прошлое - нет у нас сзади ни юности, ни детства, нет прошлого. Как вам эта картинка?

Пригов: Кинг, как и Пелевин, - это поп-культура, все эти идеи давно обсуждаются в философии. Картинка создана для достоверности, а в нее-то вчитан философский текст, все равно. Кинг выступает переводчиком философских идей на более простой и доступный массам язык.

Григорьев: А что вы скажете про «Интернет»? У вас дома компьютер есть?

Пригов: Дома компьютера нет. А что «Интернет» - пока это улучшенный телефон, улучшенный телеграф, улучшенная библиотека. А вот если бы проникнуть туда в качестве телепортируемого, то есть вне тела, - вот это уже было бы интересно. Виртуальность - мощная утопия, я имею в виду телесную виртуализацию, именно избавление от тела, новую антропологию. В «Интернете» можно экзистенциально пропасть, как в наркотиках. Но я лично в таком наркотике не нуждаюсь.

Григорьев: Часто вы бываете на всякого рода презентациях?

Пригов: Бываю. Культура существует и на уровне личных контактов, без которых попросту нельзя. Увидел человека - что-то пришло на ум, что-то он тебе сообщил. Это же совершенно необходимые вещи.

Григорьев: Как и с кем вы думаете встретиться Новый год?

Пригов: Я вообще праздников не люблю, скорее всего и в Новый год, 31-го, буду рисовать. И дни рождения тоже не отмечаю.

Григорьев: Неужели себе лично не хочется устроить праздник, ну хотя бы за то, что хорошо поработал?

Пригов: Хорошо поработал - значит пора садиться за следующую работу.

Беседовал
Константин ТРИТОВЕВ.